

нышко или фонарь: тогда его луч и сам становится замечательным фоном, и «неправильный» фоновый хаос закрывает эдаким художественным флёрком.

Есть как минимум два случая, когда фон оказывается размытым по определению. Первый — это макросъемка: практически все, что располагается дальше объекта на несколько миллиметров, уходит в расфокус (законы оптики!), создавая таким образом почти абстрактный фон. Если на нем нет противоречащих композиции снимка световых или цветовых пятен — он, как минимум, не помешает, однако сдвиг объектива вправо-влево или даже некоторое вмешательство в природу могут сделать этот абстрактный фон более или менее художественным и соответствующим объекту.

Другой же случай — портрет, и применительно к нему законы оптики не столь жестоки. Все учебники рекомендуют делать портрет с помощью сравнительно длиннофокусной, «портретной» оптики (что-то между 85 и 130 миллиметрами в пересчете на полный кадр) и с максимально открытой диафрагмой (сколько позволит кошелек). С одной стороны — это, конечно, штамп, с другой — простое техническое правило, нарушить которое — с ясным пониманием «зачем» — имеет право каждый дерзающий.

Понятное дело, что оторвать лицо от фона значит сконцентрировать на нем внимание зрителя, однако, если внимательно просмотреть живописное классическое наследие, можно обнаружить в нем и обратный подход, когда фон, напротив, детально проработан и добавляет информацию о человеке. Ну, знаете: знатная текстильщица на фоне ткацкого станка. В любом случае, даже над размытым фоном хорошо бы подумать, равно как и сознательно (или, если угодно, подсознательно) определить степень его нерезкости, перебрав объективы и их диафрагмы. Наверное, неловко столь продвинутому читателям, как читатели «Digital Camera», говорить об элементарных вещах, однако у зеркалок есть даже специальная кнопка, которая позволяет увидеть в глазке видеоскрининга результаты операций с диафрагмой. Существуют также и некоторые «цифровые мыльницы», которые выдают на дисплей зависимость картинки от величины диафрагмы.

Итак, посвятив этим общим рассуждениям добрую половину колонки, я все-таки перехожу к ее соли: «объяснению» нескольких собственных снимков, где, на мой вкус, тема проявляется максимально ясно.

1. Портрет провинциальной девушки, только что переехавшей в Москву. Во всяком случае, так этот снимок воспринимаю я и многие другие. Фокус, конечно, на девушке — со счастливым выражением лица. А в меру размытый, явно столичный, поток машин — даже против желания зрителя — создает у него это самое, написанное в начале абзаца, ощущение. Полагаю, что для портрета давней москвички подошел бы совсем другой, пожалуй, что не урбанистический, фон. Конечно, эти рассуждения не означают, что автор сперва задумал снимок с такими

вот внутренними связями и ассоциациями, а потом — прицелился объект на место съемки и выверил дистанцию, фокусное расстояние и диафрагму. Все это сошлось сравнительно случайно. Не случайно же этот снимок был выбран автором в его портфолио и в эту колонку.

2. Фрагмент фонтана на главной площади Киева. Тут и говорить особо не о чем: просто вообразите либо чисто синий, без облаков, небесный фон, либо — того же уже — фон пасмурный. А хуже всего этого получилось бы, попади на фон что-нибудь более предметное и менее космическое, чем небо. Даже сколько угодно размытое. Кстати, чтобы получить именно этот фон, надо было всего лишь чуть походить вокруг фонтана и слегка присесть.

3. Римские Форумы. Здесь объектом выступает обломок древней стены, а фоном — мраморный портик и знаменитые пины. На самом деле все, конечно же, наоборот: главное содержание снимка — это, конечно, портик и пины, а обломок стены — безусловно, фон. Слагаемые переставлены местами, а сумма разительно поменялась. Портик и пины, снятые как объект, — с каким угодно количеством развалин стен на заднем плане, — предстали бы нам — в лучшем случае — одну из стандартных римских туристических открыток. В таком же порядке и обломок стены играет по-другому, и пины с портиком. Фон становится главным, а объект его только подчеркивает. И нужды нет, что этот самый «фоновый объект» несколько размыт: для такой информации о нем значения это не имеет. Как ни так, наверное, не стоит внимательно рассматривать (и полагать от этого рассмотрения эстетическое удовольствие) и «передний фон».

4. Последний пример — фотография Star Ferry на фоне острова Гонконг. Эти паромы за символическую плату (втрое дешевле билета московского метро) катают публику с острова на Кюлуун (материк) и назад вот уже больше ста лет. Основаны они англичанами и до сих пор поддерживаются в первоначальном виде (во всяком случае — по внешности). И, вместе с английскими же фуникулерами, двухэтажными трамвайчиками и красными телефонными будками, безусловно, являются ярким штрихом, напоминающим о британской колонизации, — штрихом, которым во всем мире почему-то едва ли не гордятся, как минимум — сохранили, вместо того, чтобы со злобой уничтожить. И вот эта вот столичная летняя дистанция, эта вот бережно хранящаяся традиция и выражается самым ярким, который я нашел, способом на фоне небоскрежного «задника». Обратите внимание — без малейшего фрагмента неба. На этом снимке, в отличие от предыдущего, где главный — фон, и первого, где — объект, — фон абсолютно полнопредан объекту.

В заключение этой почти учебной колонки замечу, что фон в фотографии, на мой взгляд, не менее мощный инструмент, чем цвет или композиция, и тот, кто им не пользуется (или пользуется бездумно, в автоматическом режиме), как правило, теряет слишком много.